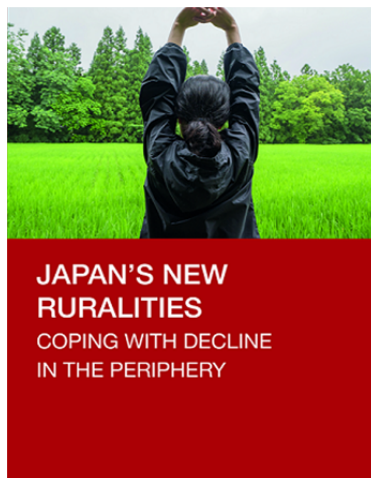

УДК 39

DOI: 10.17223/2312461X/29/16

(НЕ)ВЫМИРАЮЩИЕ СЕЛА ЯПОНИИ*

Manzenreiter W., Lützel R.,
Polak-Rottmann S. Japan's New
Ruralities. Coping with Decline
in the Periphery. London & New York:
Routledge, 2020. 311 p.
ISBN 9780367354183

Вышедшая в начале 2020 г. коллективная монография под редакцией Вольфрама Манценрайтера, Ральфа Лютцелера и Себастиана Полак-Роттманна предлагает новый взгляд на изучение японского села в современном глобализованном мире. Главы этой книги принадлежат ученым из разных стран и институций, однако она неразрывно связана с исследовательской традицией, выработанной в Венском университете.

В конце 60-х гг. ученые из Института японистики Венского университета реализовали масштабный полевой проект под руководством Александра Славика и Йозефа Крайнера. Этнографическое исследование региона Асо (префектура Кумамото, Япония) не только стало «мифом основания» института, но и оказало влияние на европейскую японистику в целом. Асо был выбран по ряду причин: с одной стороны, это был относительно изолированный горный район, слабо связанный с административным центром префектуры, с другой – он обладал символической значимостью, как место расположения храма Асо – одного из древнейших святилищ в Японии, – тесно связанного с

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

представлениями о происхождении японского государства (Lützeler, Manzenreiter 2016: 7–8).

После состоявшегося в 2015 г. празднования 50-летнего юбилея института нынешние сотрудники института пришли к идее нового полевого проекта, посвященного изучению сельских регионов Японии. Начало было положено экспедицией в Асо в 2015 г. и последующей публикацией её результатов, а также воспоминаний и историографических работ, посвященных первому «Асо-проекту» в коллективной монографии «Асо: прошлое, настоящее и будущее венских проектов по исследованию сельской Японии» (Lützeler, Manzenreiter 2016) – что является парафразом названия трехтомного сборника, в котором содержатся результаты проекта 60-х гг.: «Асо. Прошлое и настоящее сельских местностей Японии» (Slawik et al. 1975; Pauer 1976; Kreiner, Kaneko 1982). Проблематика нового проекта выросла из разрабатывавшейся ранее в Институте восточноазиатских исследований (бывш. Институт японистики) темы «счастья в Японии», а также в ответ на два доминирующих в Японии взгляда на деревню: сельские местности рассматривались либо как депрессивные, кризисные регионы, либо в ностальгическом ключе, как социальная утопия. Исследователи же предположили, что уровень удовлетворенности жизнью непосредственно связан с уровнем социального капитала сообщества (Lützeler, Manzenreiter 2016: 13).

Поиск взвешенной тональности в оценке современного состояния японской деревни прослеживается и в дальнейших исследованиях австрийских ученых. В 2018 г. под редакцией Лютцелера вышел сборник «Сельские регионы между упадком и возрождением» (Lützeler 2018), в который вошли материалы, посвященные как японской, так и австрийской деревне. В коллектив авторов наряду с сотрудниками Института Восточноазиатских исследований вошли и исследователи австрийских сельских регионов, и японские ученые. В сборнике, как отражено в названии, ставится под вопрос обоснованность описания (в том числе и научного) сельских регионов как депрессивных и обреченных на вымирание. Авторы задаются вопросами, действительно ли невозможно возрождение села, страдают ли сельские жители от изоляции и неудовлетворенности жизнью и нет ли возможности замедлить или даже повернуть вспять угасание этих регионов. Исследования, представленные в этом сборнике, в основном посвящены взаимовлиянию трех ключевых факторов, определяющих состояние села: структурных условий (демография, экономика, инфраструктура), уровня удовлетворенности жизнью и силы социальных связей (социального капитала) (Lützeler 2018: 8).

Монография 2020 г. отличается ещё большим разнообразием авторов – в их интернациональном коллективе участвуют сотрудники университетов Японии, Австрии, Германии, Великобритании, Турции и США. Одновременно книга стремится к цельности за счет ограничен-

ного одной Японией поля и четко прописанных теоретических установок. Уже в самой заглавии книги «Новые сельскости Японии: справляясь с упадком на периферии» отражен позитивный взгляд на ключевую проблему – состояние сельской местности. «Сельскость» как состояние региона, сельская реальность, может принимать самые разнообразные формы, именно поэтому в названии это слово намеренно употреблено во множественном числе.

Важной идеей книги является необходимость изучать село на уровне локальных сообществ, поскольку анализ общенациональных социологических, экономических и других тенденций не позволяет объяснить разницу в состоянии отдельных периферийных областей, и большинство авторов в той или иной мере используют этнографические методы сбора материала, хотя и не ограничиваются ими.

В качестве теоретической рамки выступает комбинация двух концепций: концепция периферизации Манфреда Кюна и концепция «глобального села» Майкла Вудса.

Кюн в своей программной статье (Kühn 2015) рассуждал о терминах «периферия» и «периферизация», подчеркивая, что первое понятие пришло в социальные науки из географии и тесно связано с пространственными соотношениями центр – окраина, причем пространственное положение считается фиксированным фактом, в то время как «периферизационный подход описывает «социальные отношения», имеющие пространственные последствия», иными словами – процессы образования периферий. Это динамичные процессы, среди которых можно выделить социальные, экономические, политические или коммуникативные; их можно рассматривать в любом масштабе – как международном, так и в рамках одного города, причем районы, подвергающиеся периферизации, не обязательно находятся на географической периферии. Экономический аспект периферизации заключается, в первую очередь, в недостатке инноваций, квалифицированной рабочей силы и инвестиций, однако Кюн отмечает, что экономические теории часто делают акцент на упадке, упуская из виду возможности «де-периферизации» и «ре-централизации». Социология чаще имеет дело с близким по значению понятием «маргинализация» и говорит о поляризации между богатыми и бедными городскими районами. Идея о бедности как социальной характеристике городской маргинальности может быть использована и на региональном уровне, где периферийные сообщества беднеют в результате деиндустриализации, оттока квалифицированных специалистов, сокращения населения и недостатка инвестиций. В политическом плане периферии оказываются зависимыми от центров власти, где принимаются решения, хотя такой дуализм не позволяет описать все многообразие форм политических взаимоотношений между «центрами» и «перифериями» (2015: 368–373). Кюн приходит к выводу, что

периферизация – это не столько пространственный факт, сколько общественная конфигурация, сформировавшаяся в неравных отношениях власти и подчинения, которые привели к неравномерному развитию.

Авторы «Новых сельскостей» совмещают периферизационную оптику Кюна с концепцией «глобального села» («global countryside») Вудса (Woods 2007). Отталкиваясь от идеи «глобального города» Сассен (Sassen 1991) и призыва Дорин Мэсси (Massey 2005) к социальному пониманию пространства, Вудс предлагает концепцию, которая помогла бы исследовать, как локальные акторы взаимодействуют с глобальными сетями. Результат этих взаимодействий всегда гибриден. Вудс, подчеркивая умозрительность своего концепта, тем не менее, выделяет 10 возможных характеристик глобального села, среди которых есть экономические (интеграция первичного и вторичного секторов экономики в протяженные торговые сети национального или международного масштаба; корпоративная интеграция местных производителей; привлечение инвестиций; развитие туризма), социальные (село как поставщик трудовых мигрантов и как принимающая сторона; социальная поляризация), политические (смещение центров политической власти на недостижимый для местных жителей уровень; сельская местность как оспариваемое пространство: противостояние местных жителей глобальным процессам, конфликты между логикой разных аспектов глобализации) и экологические (новые способы природопользования, как экологичные, так и эксплуатационные; изменения ландшафта) (Woods 2007: 492–494). Наличие каких-либо из этих характеристик говорит о том, что глобальные сети, потоки, акторы взаимодействуют и сочетаются с локальными и образуют новые гибридные формации. Таким образом, конкретные местности изменяются, но при этом сохраняют своеобразие. Кроме того, влияние глобализации должно рассматриваться в историческом контексте, как длящийся процесс. Глобализация преобразует сельские местности не с помощью политики доминирования, а через микрополитику переговоров и гибридизации; локальные акторы при этом сохраняют свою агентность (Woods 2007: 500–502).

Обе концепции, выбранные в качестве теоретической рамки для «Новых сельскостей», выносят на первый план не столько состояние территорий, сколько процессы, происходящие на них. Они удачно сочетаются, позволяя использовать разнообразные исследовательские методы – от этнографий до анализа больших социологических и демографических данных – и уделять внимание как структурам, так и агентности (р. 12).

Книга состоит из четырех разделов. Первый раздел посвящен изменениям в первичном секторе экономики, происходящим под влиянием как глобальных, так и местных факторов. Разнородные на первый взгляд кейсы (молочное производство на Хоккайдо, рисоводство, рыб-

ные промыслы) объединяют общие тенденции: семейные предприятия приходят в упадок, вынуждены объединяться и индустриализироваться, что не только влечет за собой изменения в экономической и социальной структуре региона, но и влияет на ландшафт и экосистему; сети сбыта продукции изменяются; для большинства местных жителей сельское хозяйство становится в лучшем случае дополнительным источником дохода, но при этом регионы разными способами сохраняют свои традиционные производства. Эти регионы обнаруживают сходство не только между собой, но и с другими «угасающими» сельскими местностями мира, и так же оказываются одновременно отрезаны от национальных экономических центров и вовлечены в глобальные сети и процессы, что иллюстрирует идеи Вудса. Например, Хансен анализирует ситуацию в Токати, регионе Хоккайдо, в котором, пока одни семейные молочные фермы разорялись и закрывались, другие объединились, чтобы пользоваться льготными займами, и за 20 лет выросли в 15 раз: производство стало индустриализованным, что привело к появлению регулярного наемного труда (в основном трудовых мигрантов, японских и зарубежных), усиленной эксплуатации как рабочих, так и коров и как следствие – к нарушению социальных связей как в человеческом, так и нечеловеческом сообществе; перевод скота на искусственные корма был обеспечен засеиванием бывших пастбищ кормовыми монокультурами, вследствие чего были уничтожены экосистемы. Одновременно в соседнем заповеднике в отсутствие естественных врагов увеличилась популяция оленей, которые выходят пастись на заброшенные поля, принадлежащие закрывшимся молочным хозяйствам, становятся причиной ДТП, выедают подлесок, что вызывает эрозию почв и горные обвалы, и могут служить источником болезней и паразитов для домашнего скота и людей. Поэтому принимаются меры по развитию охоты, и коммерческая охота становится дополнительным заработком для все большего числа местных жителей, которые не только получают награду за добытых оленей, но и продают мясо и шкуры в рестораны крупных городов (р. 27–47).

Во втором разделе рассматриваются государственные попытки поддержать село. Учитывая, что политические проекты, направленные на усиление местной автономии, далеко не всегда ведут к улучшению положения сельских местностей, авторы исследуют попытки децентрализации и диверсификации в разных сферах и роль в них государственных инициатив, отталкиваясь от концепции периферизации. С одной стороны, поддержка таких программ, как децентрализация производства энергии (Фельдхоф и Кремерс, р. 103–123) или налаживание электронных систем обмена данными пациентов между медицинскими учреждениями (Брукш, р. 140–158), тормозит процесс периферизации районов, создавая рабочие места, уменьшая зависимость от центров, и

повышает уровень жизни, обеспечивая доступ к услугам. Кроме того, исследование Уэно, Осуга и Манценрайтера (р. 124–139) показывает, что политическое участие государства (в виде субсидиарной политики, например) является значимым и позитивным фактором в поддержке уровня социального капитала в сельской местности, хотя оно не способно переломить негативную тенденцию его показателей. С другой стороны, Брукш отмечает, что создание систем телемедицины в периферизированных регионах ярче выделяет границы этих регионов внутри национальной системы здравоохранения, а Йенч демонстрирует, как разные проекты развития туризма в винодельческом районе Косю (префектура Яманаси) – предлагаемые префектурой, муниципалитетами и разного размера объединениями виноделов – конкурируют между собой, и как за счет вмешательства и неудачных инициатив со стороны префектуры, не только не нивелируются границы *между* муниципалитетами для достижения общих целей, но и появляются новые линии разделения *внутри* них, препятствующие совместному действию (р. 159–174). Хотя Йенч и не концептуализирует этот кейс через теорию социального капитала, его рассуждения резонируют с ней, демонстрируя важность социальных связей и кооперативного действия для борьбы с периферизацией.

В третьем разделе исследуются особенности миграции из города в село – процесс, имеющий важную роль и в теории «глобального села», и в концепции Кюна. Из указанных здесь работ следует, что два основных фактора, привлекающих в глубинку новых жителей, – это романтизированное представление о деревне и связанные с ним ностальгические настроения, а также неудовлетворенность городской жизнью в отсутствие карьерных перспектив. Две основные группы населения, дающие сельской местности новых жителей, – это пенсионеры, желающие провести остаток жизни на природе, и молодые люди 20–30 лет, находящиеся в поисках приносящей большее удовлетворение работы или по другим причинам не принявшие городской образ жизни. Городские жители приносят с собой новые идеи для бизнеса, понимание современных трендов и другие инновации, поскольку сами являются представителями глобализированной культуры, и таким образом способствуют созданию гибридного пейзажа «глобального села». Однако их влияние на де-периферизацию села ограничено, поскольку такие переселенцы очень немногочисленны. Тем не менее каждое изучаемое сообщество смогло если не переломить негативные демографические и экономические тренды, то, по крайней мере, замедлить их разными способами. Где-то усилиями как местных жителей, так и приезжих расцвел экотуризм (Функ, р. 177–195), где-то неожиданно позитивное воздействие оказала многолетняя протестная кампания против возведения новой АЭС, привлекающая активистов со всей страны, разделяющих жиз-

ненные идеалы местных жителей и готовых интегрироваться в местное сообщество (Такэда: 196–211), а где-то благодаря политической воле местной администрации города смогли избавиться от образа депрессивных, выработать привлекательный имидж и создать привлекательные условия для миграции (Левеких: 212–229, Райхер: 230–244). Стоит отметить, что все авторы этого раздела рассматривали только внутренних мигрантов и не касались проблемы появления в сельских местностях иностранцев (за исключением разве что туристов).

Тексты, вошедшие в четвертый раздел, раскрывают новые грани сельской жизни в Японии и подтверждают спорность устоявшихся представлений о нем, в первую очередь таких, как употребление дихотомии село – город и использование преимущественно демографических и прочих статистических данных для анализа проблем сельской местности. Авторы предлагают иные концептуальные подходы к изучению села. Так, Трафаган (р. 247–261), оставаясь в целом в глобализационном дискурсе Вудса, спускается на микроуровень, выстраивая свои рассуждения вокруг биографии одной информантки, открывшей на бывшей молочной ферме своего отца джелатерию. Через призму частной судьбы он демонстрирует деполяризацию японского села, в котором оказалось возможно выстроить бизнес, отражающий интернациональное самоощущение и опыт хозяйки вопреки расхожим представлениям о традиционности сельской местности: возвращение этой женщины в село было обусловлено вовсе не тягой к традиционности, напротив, ее заведение, нарочито «западное», да и причины, побудившие ее бросить работу в Токио после 20 лет, – стремление избежать давления стеклянного потолка и весьма патриархальных социальных и бизнес-традиций, процветающих в городе. Ее джелатерия, как и само сделанное из местных продуктов мороженное, представляется Трафагану «репрезентацией гибридизированной материальности локальных и глобальных потоков» (р. 259). Озцен (р. 262–275), напротив, больше опирается на периферизационную логику и представляет «метод анализа поселений Токуно» – альтернативный социологический подход, позволяющий полнее охватить социальные сети, которые тянутся из села в город и остаются функциональными. В свою очередь Найт (р. 276–294) в своем анализе пытается уйти от антропоцентризма и подходит к теме периферизации сельской местности с точки зрения взаимоотношений деревни с лесом, а не с урбанистическим центром. Каждый автор предлагает свою оптику, с помощью которой можно рассматривать протекающие в селе процессы и обнаруживать ускользающие с первого взгляда аспекты, оставаясь при этом в рамках теоретической рамки монографии.

В целом исследования, собранные в этом томе, демонстрируют эвристический потенциал взятых авторами на вооружение концепций

«глобального села» и периферизации. Первая позволяет вынести за рамки привычную и уже малопродуктивную дихотомию село – город и рассматривать происходящие в сельских местностях разнородные процессы, описывая новые гибридные сельские реальности и их изменчивость. При этом акцент, который Вудс делает на роли местных акторов, не просто допускает, но в некоторой мере даже требует применения этнографических методов и проведения антропологических исследований. Пожалуй, главы, авторы которых использовали именно антропологический подход (например, Хансен, Гансфорт, Трафаган, Найт и др.), давали наиболее выпуклую картину сочетания различных взаимовлияний и их последствий в конкретной локации и нагляднее демонстрировали тезис о множественности «сельскостей», вынесенный в название книги.

Оптика периферизации позволяет выделить факторы, способствующие депрессивному положению села, и поставить под вопрос догму о неизбежном вымирании деревень, обнаруживая процессы и факторы, способствующие их ревитализации. При этом и причины, и решения проблемы периферизации чаще всего носят глобализированный характер, но местные сообщества при наличии политической воли и социального капитала обладают свободой находить подходящие именно им решения, делающие облик их местности уникальным, будь то развитие экотуризма, создание площадки для художественных выставок, привлекающей художников и любителей искусства (Функ), или популяризация собственного бренда города и создание хорошей школы, которая может похвастаться связями с лучшими университетами страны (Левеверих). Таким образом, «Новые сельскости» косвенно подтверждают и упомянутый выше тезис, выдвинутый еще на стадии разработки проекта «Асо 2.0» (Lützeler, Manzenreiter 2016: 13), – о значимости социального капитала для уровня жизни в селе и перспектив развития местности в целом. Уменьшение социального капитала отрицательно влияет на агентность и не позволяет местным сообществам бороться с периферизацией. Авторы, приводившие примеры хоть сколько-нибудь успешных де-периферизационных процессов, говорили о важности инициативы и совместных действий членов локальных сообществ (все авторы третьего раздела, Йенч, а также Найт).

Выбранные теоретические рамки достаточно широки для такого разноуровневого проекта, каким стали «Новые сельскости Японии», в котором представлены исследования очень разные – такие как анализ предпринимательской деятельности одной женщины, и изучение крупных государственных проектов по диверсификации производства электроэнергии или налаживанию сети телемедицины. С другой стороны, они задают дискурс, которым могут оперировать ученые разных дисциплин, создавая базу для успешной междисциплинарной кооперации.

Многообразие исследовательских методик может создать ощущение некоторой разнородности вошедших в монографию текстов, однако эта же особенность делает «Новые сельскости» актуальной книгой для специалистов всех социогуманитарных специальностей, интересующихся состоянием села в современном мире или вопросами глобализации.

Литература

- Kreiner J., Kaneko M.* Aso. Vergangenheit und Gegenwart eines ländlichen Raumes in Süd-japan. Bd 3. 1982.
- Kühn M.* Peripheralization: Theoretical Concepts Explaining Socio-Spatial Inequalities // *European Planning Studies*. 2015. № 23 (2). P. 367–378.
- Lützel R., Manzenreiter W.* Aso: Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft eines wiener Forschungsprojekts zum ländlichen Japan. Wien, 2016.
- Lützel R.* Rural areas between decline and resurgence: Lessons from Japan and Austria. Vienna, 2018.
- Massey D.* For space. London: Sage, 2005.
- Pauer E.* Aso. Vergangenheit und Gegenwart eines ländlichen Raumes in Süd-japan. Bd 2: Der landwirtschaftliche Gerätebestand des Aso-Gebietes. 1976.
- Sassen S.* The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton: Princeton University Press, 1991.
- Slawik A., Kreiner J., Linhart S., Pauer E.* Aso. Vergangenheit und Gegenwart eines ländlichen Raumes in Süd-japan. Bd 1: Einführung und Überblick. 1975.
- Woods, M.* Engaging the global countryside: Globalization, hybridity and the reconstruction of rural place // *Progress in Human Geography*. 2007. № 31 (4). P. 485–507.

Любимова Наталья Сергеевна
Институт этнологии и антропологии РАН

Рецензия поступила в редакцию 18 августа 2020 г.

Lyubimova Natalia S.

Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

(UN)DYING RURAL COUNTRYSIDE OF JAPAN*

Review of *Japan's New Ruralities. Coping with Decline in the Periphery*. Ed. by W. Manzenreiter, R. Lützel and S. Polak-Rottmann. London & New York: Routledge, 2020. 311 p. ISBN 9780367354183

DOI: 10.17223/2312461X/29/16

*The review is published as part of the Research Plan of the Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Academy of Sciences, Moscow).

References

- Kreiner J., Kaneko M.* Aso. *Vergangenheit und Gegenwart eines ländlichen Raumes in Süd-japan*. Bd. 3. 1982.
- Kühn M.* Peripheralization: Theoretical Concepts Explaining Socio-Spatial Inequalities, *European Planning Studies*, 2015, no. 23 (2), pp. 367–378.
- Lützel R., Manzenreiter W.* Aso: *Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft eines wiener Forschungsprojekts zum ländlichen Japan*. Wien, 2016.

-
- Lützel R. *Rural areas between decline and resurgence: Lessons from Japan and Austria*. Vienna, 2018.
- Massey D. *For space*. London: Sage, 2005. 232 p.
- Pauer E. *Aso. Vergangenheit und Gegenwart eines ländlichen Raumes in SüdJapan*. Band 2: Der landwirtschaftliche Gerätebestand des Aso-Gebietes. 1976.
- Sassen S. *The Global City: New York, London, Tokyo*. Princeton: Princeton University Press, 1991.
- Slawik A., Kreiner J., Linhart S., Pauer E. *Aso. Vergangenheit und Gegenwart eines ländlichen Raumes in SüdJapan*. Band 1: Einführung und Überblick. 1975.
- Woods, M. Engaging the global countryside: Globalization, hybridity and the reconstruction of rural place, *Progress in Human Geography*, 2007, no. 31 (4), pp. 485–507.